

ЖИТИЕ

архиепископа

Серапиона Новгородского⁵

Память его празднуется месяца марта в 16-й день
и месяца апреля в 7-й день

† 1516

На Новгородской кафедре с 1506 по 1509 гг.
а место архиепископа Геннадия, заточенного в Чудо-
вом монастыре, избран был на святительскую кафед-
ру в Новгороде Серапион - игумен Троицкого Серги-
ева монастыря.

Блаженный Серапион родился в княжение Иоанна III в небольшом селении Пехорка (Пехра), на расстоянии 20 верст от Москвы, от благочестивых родителей-поселян. Достигнув семилетнего возраста, отрок Серапион отдан был родителями в обучение грамоте. Погрузившись весь в любовь к учению и внимая Божественному Писанию, он возгорелся желанием к иноческому житию. Но когда он достиг совершенного возраста, родители принудили его вступить в супружество. Не смея прекословить родителям, кроткий Серапион повиновался им, хотя и вопреки своему желанию, и потом принял сан священства.

Через год супруга его скончалась, тогда, разрешившись от уз житейских, он беспрепятственно мог отаться давнему влечению своего сердца и принял иноческий образ. Но для успокоения родителей он оставался при той же церкви Покрова Божией Матери, при которой был священником. По кончине родителей боголюбивая душа его пожелала совершенно отрешиться от молвы житейской. Раздав убогим доставшееся от родителей имение и отпустив служителей, блаженный Серапион удалился в пустынную обитель Успения Богоматери Стромынскую, что на острове речки Дубенки, которой положил начало преподобный Сергий, по желанию великого князя Дмитрия Донского, после одоления татар. Братия с радостью приняла пришельца и скоро полюбила его ради высокого его жития, так что по смерти настоятеля умолила его принять на себя строительство Дубенской обители, с благословения игумена Сергиевской лавры Симона, от которого тогда зависела Стромынь. Здесь преподобный столько прославился духовными подвигами и так много сделал для Дубенской пустыни, что она потом называлась пустынею Серапиона. Дубенская общежительная пустынь находилась на острове, омываемом реками Дубенкою, Дубною и Быстрицею, на границах Тверской и Владимирской губерний, на северо-восток от Сергиевой лавры.

Тяготясь должностю настоятеля и жаждая безмолвия, Серапион недолго оставался строителем и переселился на общежитие в самую лавру в число ее братии. Но и здесь он не остался в покое; начальственная честь как бы преследовала повсюду смиренного инока. Вскоре после прибытия Серапиона в лавру игумен ее, Симон, был избран на святительскую кафедру всея Руси, а на его место умолен был неотступными просьбами братии пустыннолюбивый Серапион. И не только мольбами братии, но и повелением нового митрополита и великого князя Иоанна побужден был воспринять игуменство лавры (1493 г.), ибо так было угодно Пресвятой Троице и преподобным Сергию и Никону.

Великий князь Иоанн очень уважал подвижника-игумена и это показал самым делом. Однажды случилось

самодержавному великое искушение: какие-то злонамеренные люди оклеветали перед ним в тяжкой вине чародейства трех именитых боярынь. Строгий Иоанн по обычаям того времени осудил их на страшную казнь сожжения. Напрасно умоляли его митрополит и бояре умилосердиться над осужденными. Блаженный Серапион, услышав о предстоящей казни и зная невинность обреченных на смерть, помолился Живоначальной Троице и всемирной Заступнице Богоматери и, призвав на помощь великих чудотворцев Сергия и Никона, дерзнул предстать перед лицом разгневанного государя наедине, многими слезами умолил его отменить тяжкий приговор и этим спас государя от греха и три невинные жертвы - от напрасной смерти, подобно тому как великий чудотворец Николай ходатайством своим избавил от смерти трех невинных мужей. После этого и великий князь возлюбил мужественного игумена за дерзновенное слово истины, которое избавило его от тяжкого греха.

Имея великое попечение о благоустройстве обители, и особенно о жизни достойной иночества, блаженный Серапион был на соборе о церковных имениях и немало подвизался об ограждении монастырских угодий и волостей. Когда кончился собор, рассуждавшие о вдовых священниках белозерские пустынники, и в числе их преподобный Нил Сорский, начали выражать сожаление, что монастыри владеют землями и селами, и молили самодержавного, который всегда принимал их у себя с большим уважением «крепкого ради жития их, чтобы он помыслил об этом». По воле державного созван был собор (1504 г.) всех архиереев русских в царствующий град для совещания о том, прилично ли монастырям иметь волости. На соборе обнаружились два совершенно противоположных мнения. Белозерские пустынники, и особенно преподобный Нил, утверждали, что монахам не прилично владеть имениями; ибо многое монастырское стяжение делает суетным отречение монахов от мира, через управление волостей опять вовлекает в молву житейскую тех, которые бежали суеты, чтобы жить по преданию святых отцов. Монахам следует жить по пустыням и питаться от своих трудов, а не от имений.

Другое мнение выражали и защищали игумены обителей Троицко-Сергиевой - Серапион и Волоколамской - Иосиф. Они крепко стояли на том, что имения необходимы для существования монастырей. Во-первых, в монастырях нужно не только созидать храмы, но и постоянно их поддерживать. В храмах должны совершаться церковные службы, для которых потребны хлебы, фимиам и свечи. Для совершения служб нужны иноки-священнослужители, чтецы и певцы, свободные от всяких забот о физических нуждах: пище и одежде; иначе если они устремятся добывать сами себе все, потребное для жизни, то храмы сделаются пусты и будут оставаться без Божественной службы. Поэтому-то основатели обителей, благочестивые епископы и князья наделяли свои монастыри вкладами, землями, селами, чтобы и по кончине их эти обители не пришли в упадок от бедности. Во-вторых, монастырские имения не мешают инокам достигать вечного спасения, что доказали своим примером святые мужи - подвижники древней восточной и русской церкви - Афанасий Афонский, Антоний и Феодосий Печерские и многие другие основатели обителей, владевших имениями. И если бывают иноки, которые увлекаются любостяжанием и не брегут о своем спасении, то из-за этих немногих, не радищих о своем спасении иноков, несправедливо было бы отнять имения у всех обителей. В-третьих, монастыри существуют не для одних монахов, а для всей церкви: там приготавляются для нее будущие иерархи, правители епархий. Если у монастырей отнять имения и все монахи будут сопротивляться собственными трудами, то что произойдет тогда? Как тогда «честному и благородному человеку постричься? И если не будет честных старцев, откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа и на всякие честные власти? А когда не будет честных старцев и благородных, тогда будет колебание вере». В-четвертых, создатели и благотворители обителей, делая на них пожертвования, имели в виду и то, чтобы они принимали у себя странных, питали нищих, помогали больным и всякого рода несчастным. Но, лишившись своих имений, в состоянии ли будут монастыри достигать этих целей?

Произошло великое прение и подробные изыскания о том, когда и по какой причине стали приобретаться монастырями села. Наконец обрели, что святители и монастыри держали города, волости и села от первого христианского царя, равноапостольного Константина, и при последующих царях, царствовавших в Греции и по всей вселенной. Ни на каком соборе не было запрещено это святителям и монастырям, напротив, повелено им всеми соборами, вселенскими и поместными, недвижимых стяжаний церковных не продавать, не отдавать (12 правило VII Вселенского Собора): эти стяжания утверждены за святителями и монастырями страшными клятвами, непоколебимо и ненарушимо на все веки.

Равным образом и в России при великих князьях – Владимире, Ярославе, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Даниловиче - внуке блаженного Александра, и доныне святители и монастыри имели города, волости, слободы и села и держали церковные суды, пошлины, оброки, по установлению не только святых отцов и равноапостольного царя Константина, но и равноапостольного Владимира и сына его Ярослава, которые притом в своих уставах завещали, что, если кто из их детей, внуков и правнуков или кто другой дерзнет нарушить их правила и начнет вступаться во что-либо церковное, в суды, пошлины, десятины или отнимать что у церкви насильно, тот да будет проклят в сей век и будущий.

Вследствие всех таких постановлений, греческих и русских, святители и монастыри держат села доныне и отдавать их не смеют и не благоволят; потому что это стяжания Божии, данные и посвященные Богу, которые должны быть соблюдаемы и неприкосновенны вовеки. Даже неверные и нечестивые цари (монгольские) во время своего господствования не отнимали ничего у святых церквей и монастырей и не смели касаться их недвижимых имуществ, боясь Бога. Напротив, поборами по церквам Божиим не только в своих странах, но и у нас в России давали ярлыки чудотворцам Петру и Алексию и другим митрополитам русским, остающиеся непоколебимым доселе... Да, наконец, и усердные

жертвователи не только не были осуждаемы, но всегда похвалялись за их усердие к святым обителям, где память их вспоминается вечно.

Рассмотрев все эти представления, собор постановил, чтобы святые обители по-прежнему держали свои стяжания, ради утешения убогих и недужных, которые обретают в них упокойение, чтобы самые иноки могли свободно предаваться молитве или проходить различные послушания, иногда весьма трудные, и чтобы служба Божия совершалась с должным благолепием. Вообще положено было на соборе держаться прежних преданий церковных, не мудрствуя паче, нежели сколько подобает, по слову Апостола. Хотяющим же истинно спастись и любителям безмолвия не могут воспрепятствовать в том стяжания церковные. Блаженный Серапион явил на сем соборе великое свое благоразумие, рассуждая, что к лучшему и что может послужить на пользу, по собственному опыту жития отшельнического и управления монастырем. «В сих совопрошениях, - сказано в житии преподобного Иосифа, - Троицкого Сергиева монастыря игумен Серапион да Иосиф разумне и добре расчиняху лучшая к лучшим, смотря обояду пользующая».

Вскоре после этого великий князь Иоанн Васильевич, передавая управление государством сыну своему Василию, указал на Серапиона, как достойного занять святительскую кафедру Святой Софии в Великом Новгороде, которая более двух лет сиротствовала после удаления святого архиепископа Геннаадия, заточенного в Чудове монастыре. После кончины Иоанновой Серапион единогласно был избран и посвящен собором архиепископом Новгорода 15-го января 1506 г. Это возведение Серапиона на высокую степень власти было для него призывом к самым тяжким скорбям.

С любовью он был принят в Новгороде и начал пасти вверенное ему стадо по заповедям Божиим, просияв не только добродетелями, но и чудесами еще при жизни. Не более трех лет продолжалось его святительство, в продолжение которого Новгород постигли одно за другим два страшные бедствия. В феврале прибыл святитель в Новгород, а осенью

открылся мор. То же бедствие возобновлялось и в следующие два года, также осенью. Смертоносная язва обнаруживалась железою (Жельвь – мозоль, нарыв.⁵⁶ С. 180) и похитила в Новгороде множество народа. В одну последнюю осень померло в Новгороде от язвы 15 396 человек. «В лето 7016 (1508 г.), – говорит летописец, – бысть мор в Великом Новеграде: помре железою по три осени и в последнюю осень людей 15,396 человек». Святитель Серапион усердно начал молить Господа и Пречистую Его Матерь, чтобы прекратилась страшная болезнь, и ходил с крестами около всего города. Он велел срубить обыденную церковь в честь Покровы Богородицы в Детинце, на площади, против соборной каменной Софии, октября в 15-й день, и того же дни архиепископ Серапион святил и служил в ней. При освящении молитвами святителя исцелил Господь трех человек – слепого, расслабленного и бесноватого, и с того времени начала убывать язва. В том же году постигло Новгород другое великое бедствие: страшный пожар опустошил всю Торговую сторону его. «Того же 7016 (1508) лета, – рассказывает летописец, – августа в 20 день... при архиепископе Серапионе Великаго Новгорода и Пскова... бысть в В. Новеграде пожар зол: загореся на Славкове улицы (в Окулове дворе Хмельникове, у Логинове жене Екатерине, с поля, в клети, от свечи), и погоре Знаменская Торговая сторона вся, и многие палаты запалишася, и животов без числа множество сгорело... и николиже в В. Новеграде таковый пожар не бывал, ни в прежних летех, но велми страшен, ни в летописцах такового пожару не обретохом, толь злаго. Яко облацы дождевнии за много число дней быша, и бысть ведро велие: и в то время бысть гремение страшно на небеси, на земли страшнее же и небеснаго труса; и найде на люди страх и беда велия, друг другу не можаху пособити, ни помощи подати». Страшная буря усиливалась свирепость огня до крайней степени; вихрь сокрушал дома и истorgал деревья; Волхов взъярновался и разбил многие суда; «всех душ сгорело в этом пожаре 3315, а утопших Бог един весть». Во время этого пожара архиепископ выходил с крестами и чудотворными иконами

на Великий мост к Чудному (черному) кресту и там пел молебны. «Видя же казнь Божию на град, святитель не можаше слова рещи на молебне, многим захлопанием, слезы точа от очию яко струя непрестанно; и молящеся в тайне сердца своего к Господу Богу нашему Иисусу Христу, и ко Пречистей его Матери Пресвятой Богородице, и ко всем святым, о еже пременитися граду от належащаго прещения и гнева Божия, и пожара великаго избавитися; видя же архиепископ, в то время, ово столпом огненным до небеси огнь досязаше, ово же яко труба огнь хождаше по граду вихром, и заожигаше, - архиепископ же ни очию хотяще возвести на небо, ни от горкаго плача престати не можаше, дондеже уставитися гневу Божию». Когда же по молитвам святителя пожар стал умаляться и пламя угасло на том месте, куда он вышел со крестами, «повелел собрати сожженных и ямы сотворити, и всех умерших с женами и детьми, певше надгробная им, повеле их посыпать перстию (Персть – грязь, пепел. В создании человека из персти или из праха земного святые отцы усматривали указание на смирение человека и вместе на его достоинство.⁵⁶ С. 419). Потом совокупив собор и многих граждан призыва на горелое место, нача проклинати собором не милостивых грабителей, которые жженых мертвых грабища, ищущих золота и сребра, еще же и живых огоревших грабящих, мониста и круту (Круга – украшение.⁵⁶ С. 273) емлющих, и богатящеся тем; и якоже прокляша их на том святом соборе, и поучив иереев учить детей своих духовных благоверии и чистоте... и граждан страху Божию и жити во всякой правде и чистоте... возвратился в соборную церковь... славяще Христа Бога, избавльшаго град свой от великаго пожара и прещения (Прещение – крайнее и резкое обнаружение злобных чувств человека; угроза.⁵⁶ С. 493), молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых умолением».

Вслед за описанием великого мора и пожара, какие постигли Новгород при святителе Серапионе, летописец рассказывает, что эти бедствия еще за три года (7013 лета) в 1505 г. предуказаны были преподобным Варлаамом Хутынским благочестивому иноку Тарасию в дивных видениях.

Приводим здесь этот рассказ не только как интересный, но и как назидательный, свидетельствующий о том великом попечении, которое имеют святые угодники по своему представлении об оставшихся в живых и о том мощном ходатайстве перед Господом, какого удостаиваются они в воздаяние за свою святую жизнь на земле. «Сей мор и пожар, - говорит летописец, - был вместо потопа, по явлению и по умолению и по пророчеству преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, что явился пономарю Тарасию в лето 7013. Быть чудо приславно и видение ужаса исполнено».

«В числе братии Хутынского монастыря в одно время был некто пономарь (кандиловжигатель) Тарасий (Кандило – свеча, подсвечник, сосуд для возжжения елея, называемый у нас лампадою. В церкви употребляются, кроме обыкновенных кандил, еще и другие, называемые поликандилами и паникандилами.⁵⁶ С. 243). Находясь однажды по своей обязанности в церкви, для приготовления всего потребного к утреннему церковному богослужению, и замедлив в ней, незаметно до поздняго часа, вдруг видит он, что в соборном храме Преображения Господня, где почивают мощи угодника Божия, все свечи в паникадилах и светильники в лампадах пред иконами зажглись сами собою, как во время торжественного богослужения, и самое кадило, с горящим угольем, наполнилось фимиамом, разливавшим по всему храму чудное благоухание. Когда же в недоумении и страхе, озираясь кругом, стала дивиться зримому видению, он видит явно, телесными очами, самого угодника Божия, преподобного Варлаама, который, поднявшись из гробницы, сошел на средину храма, стал на молитву, взывая к Господу о пощаде града отечественного. До слуха изумленного инока явственно доносились молитвенные слова, выходившие из уст преподобного; «о еже милостиву и благоуветливу быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев, на него движимый, и избавити от належащаго праведнаго своего прещения и помиловати его»... При виде сего необычайного явления на Тарасия напал страх и ужас, и он упал на помост церковный. Преподобный Варлаам,

воздвигнув его, сказал: «Брат, Тарасий, дерзай и не бойся! Ныне намерен я объявить о великих и грозных бедствиях, которые грозят гибелью В. Новгороду за то, что переполнилась чаша беззаконий его, и вопль от неправд и грехов его дошел до небес, требуя отмщения от Всевышняго. Встань и взойди на верх церковный, и посмотри, что совершается над Новым городом... Тарасий, поднявшись наверх, посмотрел в сторону Новгорода и увидел, что воды озера Ильменя высоко поднялись над Новгородом и готовы были в одно мгновение устремиться на город и потопить всех живущих в нем. Устрашенный Тарасий поспешил сошел вниз и поведал о видении преподобному. Угодник Божий снова стал на молитву: молился со слезами и в таком молитвенном подвиге пробыл около трех часов. Потом снова сказал Тарасию, чтобы, поднявшись на кров церковный, опять посмотрел, что готовится В. Новуграду. Повинуясь велению преподобного, Тарасий, снова поднявшись наверх, обратил свой взор к Новгороду и увидел множество ангелов, которые бросали огненные стрелы в народ: мужчин, женщин и детей, «и пред всяkim человеком: мужем и женою и отрочатем и пред девою стояща ангела хранителя, держаща книги и зряща в них повеления Божия: и кий человек обреташся написан в живых, того ангел хранитель помазование кистию из сосуда приемля мира небеснаго, и аbie той человек исцеление принимаše и здрав бываше от смертоносныя язвы... егда же видяше ангел человека, ему же умрети написано в книге судеб Божиих, повелением Владыки Христа Бога, аbie не помазав его миром, и ангел хранитель уныл отходжаše от человека, боясь преслушатися Владыки своего повеления». В страхе и ужасе Тарасий возвратился в церковь и поведал преподобному о виденном. Преподобный Варлаам в третий раз стал на молитву и со многими слезами умолял Господа о пощаде града... Потом сказал Тарасию: «Брат Тарасий! По молитвам Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых и по неизреченному человеколюбию своему Милосердый Господь пощадил Новгород от потопа; но «посыпает на люди мор и с милостию казнь, сиречь

с покаянием, сам бо рече Господь во святом Евангелии: в чем застану, в том тя и сужду, и будет мор по три лета». После сего снова долго молился святой; и опять велел Тарасию подняться на верх церковный, чтобы еще раз посмотреть и видеть, какая судьба в будущем ждет В. Новгород по определению Божию. Поднявшись в этот раз на кров церковный и посмотрев на Новгород, Тарасий, в ужасе увидел, что страшная, огненная туча поднялась с полуденной стороны и шла прямо на Новгород. Трясясь весь от страха, Тарасий едва мог спуститься вниз и, войдя в церковь, поведал преподобному о грозном видении. Угодник Божий сказал ему в последний раз: «Через три года после морового поветрия будет в Новгороде великий пожар, от которого сгорит вся Торговая сторона, и при этом погибнет великое множество народа... «попреже Пречистая Богородица, со всеми святыми, умолила Сына своего и Бога нашего Иисуса Христа и избавила град от потопа». И как предсказал преподобный, так точно впоследствии времени и сбылось на деле. Сказав эти слова, преподобный Варлаам снова вошел в свою гробницу и возлег в ней, как прежде; свечи и лампады в церкви сряду после сего все угасли сами собою».

Вот и еще замечательный случай из жизни святителя Серапиона, свидетельствующий о его высоком благочестии и богоугодном житии. Однажды в день праздника Успения Богоматери, пригласил он к себе на светлую трапезу посадников и всех именитых граждан. Приволокся, ползая, в храмину трапезную, хромой, прося святителя, чтобы велел накормить его. Милостивая душа Серапиона напитала его сперва духовною пищею, сподобив исцеления, а потом и телесною. Воздухнув из глубины сердца, воззрел святитель на икону Спасителя, написанную над дверьми палаты, в которой готовилось пиршество, и, помолившись со слезами Господу, сказал хромому: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, встань на ноги твои». В то же мгновение поднялся хромой; бросив кости свои, он подошел к архиепископу как бы никогда не болевший ногами, и благословил его владыка перед всем народом, который прославил за сие Бога.

Однако и сей святый муж не избег тяжкого искушения от исконного врага рода человеческого, который, позавидовав добродетельному его житию, не хотел видеть такого светильника на престоле Святой Софии. Возмутил он и другого праведного мужа Иосифа, игумена обители Волоколамской, которую он устроил в дремучих лесах. По смерти князя Бориса Васильевича, многое благодетельствовавшего при основании ее, новый князь Феодор Борисович сначала также был расположен к Иосифу, а потом совершенно изменился, особенно после смерти своей матери, благочестивой княгини Ульяны (1503г.) Обобрав церковную казну из трех монастырей своей области - Возмицкого, Селижаровского и Левкеева, князь начал делать насилия и Волоколамской обители. Несмотря на присылаемые из оной дары, грозил бить чернецов кнутом, а игумена поносил и велел ему сказать: «Пусть идет, куда хочет, если не желает исполнять мои повеления, а я намерен держать монастырь по своей воле». Преподобный Иосиф и хотел, было, удалиться, но упрощенный братиею остался, решил искать защиты для своей обители у великого князя, припомнив, как при митрополите Ионе монастыри Сергиев, Каменный и Толгский перешли от насилия удельных князей в ведение великого князя Василия Васильевича. Но чтобы не обиделся владыка Серапион, от которого зависела тогда обитель Волоколамская, преподобный Иосиф наперед послал одного старца Игнатия Огорельцева испросить у него благословение на свое предприятие. К несчастью, в Новгороде тогда (1505 - 1508 гг.), и преимущественно осенью, свирепствовала ужасная моровая язва, и туда никого не пропускали, так что старец из Торжка должен был воротиться назад. Вынужденный крайними обстоятельствами, преподобный Иосиф обратился к митрополиту Симону и просил его ходатайствовать у великого князя Василия о принятии его обители под свое покровительство. Великий князь хотел уладить дело мирным путем и «многажды посыпал к князю Феодору Борисовичу, чтобы он от того неподобия унялся и монастырю бы насилия и обид не творил. Князь же Феодор того не послушал да учал большие

беды нестерпимые монастырю чинити». Видя безуспешность своего посредничества, великий князь Василий Иоаннович велел обсудить дело на соборе и по решению собора, с благословения митрополита и других святителей, взял (1507 г.) обитель преподобного под свое покровительство, а ему в успокоение, что не мог предварительно испросить на то благословения от своего святителя, велел сказать: «Ты из предела Новгородской архиепископии не отошел; я взял монастырь твой только от насилия удельного князя, а к архиепископу сам пошлю, как минет земская невзгода».

Отчуждение обители Волоколамской от кафедры Софийской, вопреки древней ее подчиненности, хотя это было вызвано крайностью, сильно огорчило владыку Серапиона, который твердо стоял за преимущества своей кафедры. По прекращении в Новгороде поветрия, хотя преподобный Иосиф и посыпал своего старца к владыке объяснить, ради какой нужды без его ведома и благословения был челом великому князю и митрополиту о своем монастыре, но владыка Серапион не принял старца и велел объявить Иосифу, что гневается на него. В то же время князь Феодор Борисович вместе с архимандритом Возмицкого монастыря чрез подкуп владычного боярина какого-то Кривоборского, своими клеветами так сильно успели возбудить владыку против Иосифа, что, не выслушав его объяснений, не снесшись ни с великим князем, ни с митрополитом, послал Иосифу свою грамоту, которую налагал на него запрещение и отлучение за то, что «он отступил от небесного, а пришел к земному». «Слышав архиепископ В. Новаграда и Пскова, - пишет летописец, - что князь великий Василий Иванович всея Руси взял Иосифов монастырь в свое соблюдение, и того ради нерадением некоторым и упрямством презрев божественных правил и повеление царского закона, иже глаголет царское осуждение суду не предлежит и не посуждается, да не обослався с великим князем, ни с митрополитом, послал ко Иосифу неблагословенную грамоту и отлучение со инеми некоторыми речми, наводя и на великаго князя неразсудне и неподобне». Таким поступком архиепископа Серапиона

крайне были огорчены и великий князь, и митрополит, и все святители, по решению которых князь принял под свое покровительство обитель Иосифа. Поэтому, когда вслед за тем послал Серапион к митрополиту своего посла с грамотами, прося себе покровительства, посла целую зиму задержали в Москве и отпустили ни с чем. А когда сам Серапион собрался было ехать в Москву, великий князь приказал своим наместникам отобрать у него детей боярских и коней. Как ни тягостно было для Иосифа решение своего владыки, но он принял его с полной покорностью: не священномудрийствовал, не приобщался Святых Тайн и все ожидал, что он умилостивится. Когда же ожидания его оказались напрасными, Иосиф обратился к митрополиту и, изложив ему весь ход дела, между прочим, писал: «Ныне в великое говенье, как тебе известно, государь, прислал на меня новгородский архиепископ Серапион неблагословенную грамоту, а написал в ней: «Ты отказался от своего государя в великое государство и за такое великое безчиние ты чужд священства и нашего благословения». Но тебе, государю нашему, ведомо, что ни в Божественном Писании, ни в летописях, ни в обычаях земских того не бывало: какое великое безчиние в том, что я посыпал бить челом государю большому да тебе, большему святителю, чтобы монастырь мой не запустел? И в святых правилах не написано, чтобы за такие вины отлучать от священства и не благословлять кого». Жалобу Иосифа митрополит подверг рассмотрению Собора. Но прежде чем состоялось соборное рассмотрение дела, блаженный Серапион не только без суда, но и без всякого объяснения лишен был великим князем Василием кафедры, вытребован в Москву и заточен в Андроньевском монастыре. Это было на третью неделе после Пасхи, в конце апреля 1509 г.; а собор состоялся уже в июле, на котором главным действующим лицом был брат Иосифа - Вассиан, архиепископ Ростовский. На этом соборе, который происходил в присутствии великого князя, три раза спрашивали Серапиона: «Како и которым обычаем дерзну сия створити против Божественного Писания и святых правил закона, пресуждая и претворяя

царская повеления и всего собора изволением благословение? Он же во всем своем писании, замечено в летописи, отнюдь безответен сый». Не получив от архиепископа Серапиона удовлетворительных объяснений, «митрополит Симон со архиепископом и епископы, со всем собором, поразсудив божественными правила и по законному обычаю, иже глаголет: епископ аще не по Божественному правилу, ни по закону, но яростию и малодушием водим, кого от священного чина, а не благословением и отлучением упразднит, болший святитель самострастием тому епископу самому да творит, а не благословленного и отлученного яко неправедне осуждена да простит и благословит. Игумена Иосифа с братиею соборне простиша и благословиша, а Серапиону повелеша пребыти в монастыре».

Такое решение собора было уже слишком строго и нельзя сказать, чтобы оно было беспристрастно. Если Иосиф не был виновен за то, что без благословения своего архипастыря перешел в другую епархию, так как на деле желал, но не мог получить его, то и Серапион не был виновен пред церковным законом, произнося суд свой над Иосифом по сведениям, какие были тогда у него. Понятно, что суд собора руководился тут личными оскорблениеми и был только уступкою силе власти.

В Андрониевом монастыре святитель Серапион заточен был вместе с любимым учеником своим архидиаконом Иаковом, который никогда с ним не разлучался. В заточении своем страдалец святитель терпел много оскорблений от андрониевского архимандрита Симеона, постриженца игумена Иосифа. Отсюда-то он написал сильное и пространное послание митрополиту Симону, в котором жаловался первосвятителю на то, что увлекся он пристрастиями внушениями Ростовского архиепископа Вассиана и других нерассудительных приверженцев Иосифа. Митрополита он называл святейшим архиепископом богоспасаемого града Москвы, отцем своим и господином, которому вручено от Бога оправдание церковное, себя же - малейшим и смиренным сыном его владычества и заточенным, и вместе с тем говорил, что он сам, по милости Божией, архиепископ Великаго Новаграда и владыка, которого не следует оскорблять несправедливо.

Излагая вины Иосифа за то, что самовольно вышел из пределов его епархии и тайно от него, без благословения, сдал монастырь свой в митрополию, напоминал он и о том смущении, которое произошло от того в целой церкви, и о правилах соборных, запрещающих самовольные переходы, и о возбужденном против него негодовании великого князя. Приводил на память митрополиту и то, что сам он неоднократно просил его о дозволении прийти в Москву объясниться с государем по сему делу на соборе, но не был допущен и не было о нем соборного испытания, как бы следовало по правилам, ибо прежде суда лишили его кафедры и предали заточению. «Вспомни, святейший, - писал далее страдалец, - с какими обетами поставляли вы меня и что ты сам заповедывал мне? Не обещался ли я тебе, господину моему и отцу, и всем епископам, в святой Божией церкви и у Пречистой Богородицы, у цельбоносного гроба Петра чудотворца, сохранять заповеди, никого не боясь, и стоять в истине, по наставлению псалмопевца: «глаголах пред царем и нестыдялся» (Пс. 118, 46). Тогда я дал слово Богу и вам поступать по преданиям святых апостолов и святых отцов; ты же преподал мне хиротонию и власть вязать и решить, которую употребил я над чернецом моим, когда он нарушил уставы прежде меня бывших архиепископов Новгорода». Напомнив митрополиту и о том, что один епископ не должен разрешать связанное другим, заключил свое послание святитель Серапион словами Апостола: «Мне же жить Христос, и если умреши приобретение» (Филип. 1, 21). «Кто ны разлучит от любви Божия». (Рим. 8, 35). Я же чаю от Владыки - Христа Господа моего воздаяния праведных.

Глубоко скорбела Новгородская паства о лишении ее доброго пастыря и учителя. Он был питателем нищих и наказателем вельмож, утешою скорбящим, прохладою обуреваемым и общим всем помощником. Испытали на себе суд Божий и те, которые судили и осудили блаженного Серапиона по видам человеческим, как видели это современники. В Новгородской летописи записано, что «кто на него не постоял, Василий Андреевич Челядин, владыка Ростовский Вассиан (умер. 28 авг. 1515 г.), владыка Сузdalский (Симеон, бывший Андроньевский настоятель ум. 15 сент. 1515 г.) - того

лета все умерли. А Иван Андреевич Челядин в Литве главу свою положил (взят в плен 1 авг. 1514 г.); а Рязанский Тарасий владычество оставил его же ради; да того же лета и Пермский Протасий умре». Наконец, и сам преподобный Иосиф предупредил его кончиною. Чувствительна была утрата архипастыря для новгородцев и потому, что после него, в течение 17 лет, не было у них владыки до архиепископа Макария.

Митрополит Симон примирился со святителем Серапионом перед своею смертью (1511 г.). По воле великого князя пригласив блаженного архипастыря к себе в Москву, благословил его и принял от него прощение. Тогда же примирился с высоким по жизни архипастырем и преподобный Иосиф. Объяснившись между собою и узнав истину, они со смирением простили друг друга и стали жить еще в большей любви, чем жили прежде. «И паки мало прейде, - говорится в житии преподобного Иосифа, - архиепископ Серапион со игуменом Иосифом межи себя общее прощение получиша». А неизвестный в житии преподобного заметил: «Иосиф известовася к Серапиону и познавшеся на истине смирение умножиста себе преподобника и любовь множает первая утвердила».

После двухлетнего заточения владыки Серапиона великий князь Василий, услышав, что Андроньевский архимандрит теснит владыку Серапиона, вспомнил к нему любовь своего родителя и позволил удалиться на свое обещание, в обитель Живоначальной Троицы и преподобного Сергия (в мае 1511 г.), где Серапион долго был игуменом. С великою любовью и честью приняли его там игумен Памва и вся братия, и возвеселился духом Серапион о водворении своем под кровом преподобных. И тут не оставил его благовейный ученик Иаков, о возвеличении которого прозорливо предсказал Серапион, когда еще был игуменом Сергиевской лавры. Однажды сидели у него в келии все соборные старцы, и взошел Иаков, бывший тогда еще юношей. Встал игумен и смиренно поклонился ему, к общему изумлению старшей братии. «Не дивитесь, - сказал им блаженный Серапион, - я поклонился игумену лавры», и чрез несколько (15) лет исполнилось сие предсказание. Иаков уже в сане игумена погребал блаженного отца своего.

Возвратясь в прежнюю свою обитель, владыка Серапион еще более прежнего начал там подвизаться постом и молитвою, в глубоком смирении и терпении. Господь, видя великую его добродетель, сподобил его дара прозорливости, так что видел он дальнее, как бы близ его сущее. В тот самый час, когда преподобный Иосиф отходил в жизнь вечную, блаженный Серапион, внезапно показав рукою в ту сторону, где Волоколамск, сказал бывшим с ним: «Брат наш Иосиф преставился, Бог да простит его»; и потом, смотря на икону Спасителя, произнес: «Не постави ему, Господи, греха, ибо бывает подобное и с праведными». Случилось действительно недоразумение между праведными мужами, но они старались умиротворением попрать вражду, как некогда святой Иоанн Златоуст со святым Епифанием Кипрским, когда пришел он на суд против него в Царьград. То же случилось и между сими блаженными отцами, Серапионом и Иосифом, но в час смертный простили Иосифа Серапион по заповеди Христовой.

Достигнув глубокой старости, исполненный дней и деяний, блаженный страдалец и строгий подвижник святитель Серапион, провидя и свое скорое отществие к Господу, принял схиму, призвал к себе игумена Иакова и братию, всем преподал прощение и у всех оное испросил и, много поучив о пользе душевной, принял себе доброго спутника, тело и кровь Господа Иисуса. «Господи! В руце твои предаю дух мой», - было последним словом умирающего святителя, преставившегося 16 марта 1516 г. В час смерти лице его просветилось небесною радостью. С великою скорбью и многими слезами игумен и братия совершили надгробное пение над своим блаженным учителем и положили его близ церкви Живоначальной Троицы, с южной стороны, где была некогда келья преподобного Сергия и чудное ему явление Богоматери. Господь же многими знамениями прославил его гробницу.

Изгнанный скорбями, блаженный Серапион семь лет своего заточения употребил на пользу своей души и до того укрепился в духовных подвигах и возвысился в нравственных совершенствах, что причтен церковью к лику святых предстателей на небе. Святые мощи его обретены нетленными в следующем же году 7-го апреля и остаются под спудом в так называемой Сергиевской палатке лавры.

Писатель жития заключает свое сказание о жизни святителя Серапиона словами, извлеченными им из надгробной похвалы святого Григория Богослова Великому Василию: «Сие тебе от нас, о Серапион, великий отче! Если приближатся к тебе похвалы мои, от Бога мне будет благодать сия, ибо от Него свыше нисходит всякий дар и слово разумения; если же и далеко тебя не достигнут, - что мне остается делать, бедствующему и одержимому несчастием, ибо одно усердие к тебе меня подвигло на похвалу. Но Богу любезно, чтобы и мы, облагодетельствованные отцом нашим Серапионом и насладившиеся его даров, каждый по силе приносили ему благодарение. Итак, приидите и, став вокруг меня, весь бывший его сонм, все удивлявшиеся преподобному, торжествуйте память его и соплетите похвалы, каждый прославляя какуюлибо его добродетель, ибо не все один я высказал, но еще многое оставил любящим его. Ты же, о честная глава, свыше нас назирай и жизнь нашу на лучшее направь, мир церкви утверждай, царство Российское с самим царем от наветов спасай, управляя в мире его державу и даруй ему на варваров победу. Удержи и мое злое течение молитвами твоими, наставляя меня к добродетели, и отходящего отселе, туда приими меня, где и ты, хотя и велико мое прошение, да с тобою предстану Пресвятой Троице и твоим ходатайством сподоблюсь яснее и ближе созерцать Ея великое таинство».

В 1608 г. во время осады лавры ляхами святой Сергий, как видели лучшие старцы, будил иноков и звал в храм молитвы. Сюда вошел святой архиепископ Серапион в одежде святительской и стал в алтаре перед иконою Пресвятой Богородицы. Преподобный Сергий, обратясь к нему, сказал: «Отче Серапионе! Не медли вознести моление к милостивому Спасителю и Пресвятой Богородице». Святой архиепископ с поднятыми к небу руками возвзвал: «О! Всепетая Мати! От всякия избави напасти всех». Вместе с другими прославленными Новгородскими святителями святой Серапион призывается на помощь в церковных грамотах 1628 и 1654 гг. В чине поставления епископа 1646 г. испрашивается заступление: «Иже во святых отец наших Никиты и Нифонта епископов, Иоанна, Евфимия, Ионы, Моисея и Серапиона архиепископов».

В Новгородской 4 летописи под 7017 (1509 г.) отмечено следующее обстоятельство из деяний святителя Серапиона пред вызовом его в Москву: «Повелением пресвященного архиепископа Серапиона дописан бысть Деисус в Святей Софии да Праздники; а писал Андрей Лаврентеев сын да Иван Дермаярцев сын».

Тро́парь, Гла́с 8

Твёрдый адамант воистину, отче,
показался еси, во всем подобиях Владыце
своему и Господу, неправедная изгнания
радуясь претерпел еси; тем же и Христос
святителем и мучеником сликован тя сотвори и
дарова тя стаду своему, яко сокровище
неотъемлемо, чудесы всех обогащающа; тем же
и мы сошедшиеся к раге мощей твоих, любовию
вопием ти: о великий во святителях и дивный во
страдальцах пречестный архиерей, Серапионе
отче наш, моли о нас всеблагого Бога, да спасёт
душа наша.

Кондак, Гла́с 3

Ко венцем пресветлым украсися днесь
Великий Новград, и ликует в память
пастыря своего ичителя, яко диадиму
царскую возложши; великая же она лавра светло
радуется, идеже прослави тебе Бог своего угодника;
и прояви последнему роду нашему, цельбиносные
мощи твоя, святителю Серапионе, и церкви Божия
веселится, созывающи нас на славословие, велегласно
вопити: радуйся граду твоему и обитали похвалы, и
всей русской земли пресветлый светильниче.